

Книги Владимира Корна
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

АРТУА. ЗОЛОТО ВАЙХОВ

АРТУА. ЗВЕЗДА ГОРНА

АРТУА. УЧЕНИК УЧЕНИКА

АРТУА. БЕРЕГ СКАРДАРА

АРТУА. ДВОРЕЦ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

ДАРИУС ДОРВАН. НАЕМНИК

ВОСЕМНАДЦАТЬ КАПСУЛ КРАСНОГО ЦВЕТА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР КОРН

ВОСЕМНАДЦАТЬ
КАПСУЛ КРАСНОГО
ЦВЕТА

РОМАН

Москва, 2015
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 947

Художник
В. Федоров

Корн В.
К67 Восемнадцать капсул красного цвета: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 346 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1988-3

Постапокалиптический мир, в который вдруг превратилась планета Земля, внезапно захваченная монстрами из самых жутких ночных кошмаров... Глеб Чужинов в этом мире личность почти легендарная, и в том, что ему предстоит, ничего сложного нет. Если бы не одно «но»: жить ему осталось всего-то несколько недель, о чем сам Глеб прекрасно осведомлен.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1988-3

© Владимир Корн, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

На небе только и разговоров, что о море. И о закате.

Из к/ф «Достучаться до небес»

ПРОЛОГ

Дождь лил уже который день подряд. Лил, не прекращая свое мокрое дело ни на секунду. Иногда он почти иссякал, и тогда люди устремляли взгляды вверх в робкой надежде увидеть лучик солнца в сером, свинцовом кошмаре туч, затянувших все небо.

В доме, наскоро срубленном из сосновых бревен, за грубым дощатым столом расположились четыре человека. Пятый крутился возле раскаленной печки-буржуйки, помешивая длинной деревянной ложкой варево, испускавшее вкусные запахи.

— Андрюха, скоро ты там? Народ жаждался, — поинтересовался у него один из сидящих за столом, широкоплечий, что называется кряжистый, с крупной лобастой головой, стриженной под ноль. В нем легко было распознать главного, и не потому, что выглядел он старше других.

— Да сейчас уже, пять минут подождать не можете? Это же гречка, она недовара не любит, — откликнулся тот, которого называли Андрюхой.

— ...В этот самый момент она за руку меня и цапнула, — продолжил рассказчик, морщинистый, с выпирающим на худой шее кадыком мужчина, занимавший место с торца стола, возле узкого окна, похожего на бойницу.

Он завернул рукав камуфляжной куртки, чтобы продемонстрировать шрам. Рубец действительно выглядел ужасно, так, как будто из руки вырвали кусок мяса. От та-

туировки на предплечье, явно тюремной, осталась только нижняя часть — конец кинжала или меча.

— Пошто именно туда? Обычно они в горло метят, — с какой-то ленцой спросил еще один, бородатый, бездумно смотревший в темное окно.

— Часы на руке были, кварцевые.

— А что, ты тогда еще не знал?

— Да знал, иначе бы с тобой не разговаривал, просветили меня уже. Но в кварцевых, сколько там его? А сами часы — подарок, дороги мне были. От шмары одной, я из-за нее чуть даже в завязку не ушел. Такие вот дела.

— И из-за меньшего люди погибали. Часы-то где, сохранил?

— Выкинул, не настолько она мне и дорога, — щербато улыбнулся рассказчик.

Снаружи послышались чьи-то шаги по мокрой, раскисшей земле, затем раздались удары: кто-то сбивал с обуви налипшую грязь. Едва ли не тут же открылась дверь, пропуская высокого мужчину в плащ-палатке с накинутым капюшоном.

— Здорово, мужики, — негромко сказал гость, после чего неспешно стянул с себя плащ и повесил его на свободный колышек возле буржуйки.

Он снял автомат, висевший на груди на задней антабке¹ и пристроил его чуть дальше, так же — стволом вниз.

— Мужики в деревне... — начал было щербатый, но тут же осекся под строгим взглядом старшего.

— Здорово, Глеб, давно не виделись. Какими судьбами здесь оказался? — ответно поприветствовал он.

— Здравствуй, Арсений. На постой к вам отправили, примете? — Глеб повел носом, принюхиваясь. — Вкусно пахнет. Гречка?

— Примем, чего спрашиваешь? Она самая. Проходи, присаживайся, вместе и поужинаем. Гость в дом — бог в дом, — зачем-то добавил Арсений.

---

¹ А н т а б к а — приспособление для крепления и передвижения ремня ручного огнестрельного оружия или арбалета, страховочного шнура пистолета или револьвера.

Щербатый взглянул на старшего вопросительно, и тот кивнул: да, он самый. После чего шепотом добавил:

— Это Чужак и есть.

Взгляд щербатого сразу же переменялся и стал уважительным.

Гость покопался в рюкзаке, достал две банки говяжьей тушенки, литровую бутылку водки и поставил все на середину стола: мол, не нахлебником заявился.

— Гостинчик вам от зайчика, — улыбнулся Глеб. — К каше самое то, — указал он подбородком на бутылку.

— Как бы нам от Петровича гостинчиков не отхватить, — опасно произнес оторвавшийся от созерцания оконного стекла бородач.

— От Петровича? Петрович слова не скажет, — заверил явно напрягшихся мужиков гость. — Не волнуйся, старшой, все будет в ажуре. — Затем, обращаясь к щербатому, добавил: — За базар отвечаю, Атас.

— Вот и каша поспела. — На столе появилась кастрюля, испускающая такой запах, что рот у каждого поневоле наполнился слюной.

Арсений нерешительно взглянул на бутылку: заверения заверениями, но Петрович насчет этого дела очень строг.

— Ну так что, кому первому? — И Глеб, скрутив с горлышка винтовую пробку, посмотрел на всех по очереди.

— А-а-а, давай мне. — Щербатый, которого называли Атасом, решительно придвинул алюминиевую кружку поближе к гостю. — Чужак, а ты откуда меня знаешь? — поинтересовался он, наблюдая за тем, как льется водка.

— Слышал, — неопределенно пожал плечами Глеб. — Тебе, кстати, привет передают.

От кого именно, уточнить он не успел: дверь открылась, и вошел тот, о котором и был недавно разговор и кого собравшиеся так опасались, — сам Петрович. В вошедшем с одного взгляда можно было признать бывшего офицера: по выправке, развороту плеч, взгляду и другим приметам. Кирилл Петрович Викентьев действительно был потомственным офицером.

За год до того, как все началось, полковник Викентьев закончил Академию Генштаба. Ему прочили блестящую карьеру, несмотря на не самый уживчивый характер и бескомпромиссность. Но пять лет назад он стал бывшим. Впрочем, как и все остальные находившиеся здесь, — бывшими учителями, слесарями, врачами и менеджерами по продажам.

Атас, завидя Викентьева, откинулся назад, всем своим видом показывая — кружка перед его носом оказалась совершенно случайно, причем самым волшебным образом.

— Вкусно пахнет, — заявил вошедший, будто не замечая бутылки на столе. — Не угостите?

— Присаживайся, Петрович, какие вопросы?

Ему освободили место за столом, вручили ложку и снова притихли, ожидая, чем все закончится.

— Петрович, ты-то будешь? — спросил Глеб. — Что-то все отказываются.

— Наливай. Под кашу — то, что и нужно. И остальным тоже, это только с виду они такие скромные.

Выпили молча, не чокаясь, без всяких тостов и принялись за гречку, зачерпывая кашу из общей кастрюли. Некоторое время стояла тишина, лишь изредка ложки звякали о край посуды. Наконец Викентьев отложил ложку в сторону.

— Баня готова, Глеб. Поужинаешь, можешь сразу и идти. Обратишься к Заводчикову, тот выдаст тебе все, что считаешь необходимым, он в курсе. Белье, комок¹, продукты, патроны, возможно, что-то еще. Пользуйся случаем: все либо хлопок, либо шерсть — склад удачный попался, помимо синтетики было достаточно и другого барахла.

— Это на базе, что недалеко от Выгино?

— Именно, — кивнул Викентьев.

Глеб качнул головой:

— Думаю, очень трудно было туда попасть — риск большой.

---

¹ Комок — камуфлированная униформа.

— Без хитрости не обошлось: дистанционно запустили генератор прямо на дороге, а сами со стороны Выги на лодках. Жаль, генератор всего час тридцать проработал, не все успели вынести. Опасаюсь, что в следующий раз такая уловка не пройдет. Отдыхайте, парни, — закончил он, поднимаясь. И уже от двери поинтересовался: — Кстати, Глеб, когда рассчитываешь отправиться?

— Послезавтра с утра, Петрович. День на подготовку — без этого не обойтись.

Викентьев кивнул, обвел всех взглядом и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Бриться без зеркала, в потемках, на ощупь — дело привычки. Глеб провел ладонью по подбородку, щекам: как будто бы все. Зашел еще разок в парную, посидел на верхней полке, но за веник больше не взялся. Окатился водой и начал одеваться.

На выходе из бани его догнал негромкий женский голос: «Глеб!»

— Слушаю, Марина. — Он подошел к девушке, одетой в камуфляжную куртку и черную шапочку, из-под которой выбивались светлые пряди.

— Глеб, — зачастила она, — я случайно услышала, что ты здесь, но ведь ты же знал. Почему не нашел? Ты же знаешь, как я рада тебя видеть.

— Пойдем, Марина. — Он накинул плащ и на нее, прижал к себе. — Посидим где-нибудь, вот и дождь как будто бы утихает.

— Пойдем, — легко согласилась Марина. — Если хочешь, ко мне, Светка сегодня в ночь дежурит.

— К тебе так к тебе, — не стал отказываться Глеб. — Мокро вокруг, да и темно.

Домик, в который привела его Марина, ничем не отличался от десятков других, расположенных вокруг того, что несколько лет назад было элитным домом отдыха «Снегири», затерявшимся глубоко в лесах. Деревянный, с узкими, в одно бревно, окнами с каждой из четырех сторон. Печка-буржуйка слева от входа; двери из толстых плах, обязательно открывающиеся наружу, и непременно под-

полье, где в случае необходимости можно укрыться. Для этой цели в нем хранился запас продуктов, рассчитанный на несколько дней. Однажды Глебу довелось провести в подобном схроне почти неделю, наполненную такой безысходностью, что хотелось выть от бессилия.

— Глеб, — засуетилась Марина, — может быть, ты кушать хочешь? Или кофе? Есть у меня, правда молотый... я сейчас, только печку растоплю. — И застыла на середине пути между печкой и столом. — Ты... останешься?

Глеб посмотрел на нее, такую стройную, ладную, с милостивым лицом и большущими зелеными глазами.

— Нет, Марина, мне будет лучше уйти.

Девушка сразу поникла. Затем прерывающимся голосом едва слышно спросила:

— Это из-за того?..

Тогда Глеб убил всех троих. Зарезал ножом. Идиоты, они попытались в тесном помещении схватиться за стволы, когда ножом в таких случаях надежнее всего. Успели с ней что-нибудь случиться? Судя по тому, что на Марине была порвана одежда, наверное, да. Но Глеб никогда не спрашивал у нее и никогда не спросит. А когда она сама пыталась что-то объяснить, решительно качал головой — не надо слов.

— Нет, Марина, это из-за меня.

Он усадил ее на лавку рядом с собой, приобнял за плечи, поцеловал куда-то в висок. Достал свободной рукой из внутреннего кармана красивый серебряный портсигар, открыл его. Вопреки ожиданиям в портсигаре лежали красные желатиновые капсулы.

— Вот из-за этого, Марина. — И, когда девушка недоуменно на него взглянула, пояснил: — Здесь их восемнадцать. Ровно столько дней мне осталось жить. И ничего изменить нельзя.

Марина вздрогнула, ну а сам Глеб выглядел так, как будто он давно уже свыкся с мыслью, что с ним произойдет, когда закончатся эти восемнадцать капсул красного цвета. Марина посмотрела на него, затем на портсигар, снова на него...

— Тогда я сказала неправильно: ты останешься,

Глеб. — Теперь ее голос звучал не вопросительно, а требовательно, и он кивнул.

— Останусь, Марина. Ты же говорила, у тебя даже кофе есть.

Глеб улыбнулся, и при виде его улыбки у девушки дрогнуло сердце. Она поспешно отвернулась, чтобы спрятать вдруг заблестевшие от слез глаза.

Глава 1 ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Глеб стоял перед короткой шеренгой. Вместе с ним их будет шестеро, цифра почти критическая. Проверено: оптимальная группа состоит из четырех человек. Пятеро — еще куда ни шло, ну а шестеро... Остается только надеяться на погоду, и он взглянул на по-прежнему хмурое небо, грозившее вот-вот разродиться очередным дождем. Хорошим таким дождем, мелким, нудным, затяжным. Именно таким, который необходим.

— Пошли, — негромко скомандовал он, продолжая оставаться на месте.

Первым мимо него прошел Сёма, Семен Поликарпов. Слегка за тридцать, крепкий, с круглым лицом, сплошь покрытым веснушками. С виду этакий деревенский увальень, но только на первый взгляд, а он зачастую бывает обманчив. Сёма быстр, а когда необходимо, молниеносен. А так да, родился в самой что ни на есть глухой деревне и не понаслышке знает, что это такое, махать литовкой от самой утренней зари до первых звезд на небе. На поясе у Сёмы болтался длинный, обоюдоострый штык-нож от автомата Калашникова образца сорок седьмого, вернее, сорок девятого года. Никак не подходивший к АК-12, покоившемуся у него на груди на трехточечном ремне. Еще у него должен быть ПММ¹ в разгрузке: по нынешним временам с одним стволом и до ветру в кустики не ходят.

Следующим шел Денис Войтов. Дёня, темноволосый и

---

¹ ПММ — пистолет Макарова модернизированный.

темноглазый, был остер на язык, как опасная бритва немецкой фирмы «Золинген». У его ВСС¹ оптика была не родной — швейцарской. И берег он ее так, как не холят и не лелеют молодых красивых жен мужья, старше их лет на тридцать. В пару к «Винторезу» — «стечкин»², в открытой кожаной кобуре, висевшей слева под мышкой. Хотя Денису туда и пулемет можно пристроить — здоров как бык.

И Поликарпова, и Войтова Глеб знал отлично: пару раз они в такие передряги попадали, что только чудо и спасало. Или сам Всевышний, если, конечно, он существует. Что очень сомнительно после того, что произошло несколько лет назад.

Третьим расхлябанной походочкой шел Атас, Кирилл Лажев, и, глядя на него, Глеб непроизвольно поморщился. Прорезиненный дождевик сидел на нем комом, на левое плечо, стволом кверху, был накинута не самый подходящий к случаю восемьдесят первый ИЖ. Приклада нет даже откидного, вмещает всего пять патронов, и на перезарядку уйдет куча времени. Ладно бы «Сайга», «Вепрь», если уж под нормальное оружие руки не заточены, но не эта бандура, из которой толком и прицелиться не получится, не рискуя остаться со сломанной челюстью.

Но без Лажева не обойтись: через пару дней, если все сложится благополучно, они окажутся в окрестностях Тимошкино, а это чудо — уроженец тех краев. На всем пути именно там самые опасные места, и, если они их преодолеют, остаток маршрута покажется им легкой прогулкой.

Еще и со зрением у Лажева проблемы, по-хорошему ему бы очки, но почему-то он их ненавидит. Так что помешаный ему этот огрызок даже на пулемет, толку не прибавится нисколько.

«Ты уж не облажайся, Лажев», — мысленно пожелал ему Глеб. Знал он, как тот не любит свою фамилию, именно из-за такого и не любит.

Следующей шла Полина Пронская. Высокая, отлично сложенная девушка с красивым, улыбчивым лицом. Вот и

---

¹ ВСС «Винторез» — винтовка специальная снайперская.

² «Стечкин» — автоматический пистолет конструктора Стечкина, АПС.

сейчас она ему улыбнулась. Именно из-за Полины они и отправились в путь.

— Глеб, я очень на тебя надеюсь, — говорил ему Викентьев, — очень. Ты уж постарайся, чтобы с ее головы даже волосок не упал.

У Полины тоже должен быть пистолет.

«И дай бог, чтобы он вообще тебе не пригодился, — подумал он. — Не знаю, чем ты уж так важна, но Петрович не требовал и не приказывал, нет, он именно просил, чтобы с Полиной ничего не случилось».

Глеб взглянул на идущего вслед за девушкой Эдуарда Молинова, ее спутника, и поморщился снова. Нет, не потому, что тот был ему неприятен, причина крылась в другом. Не любил он, при всех их достоинствах, булл-папов¹, а именно такое оружие Молинов и держал в руках: «Тавор», или «Тар-21», израильского производства под натовский патрон 5,56.

Шестым будет он сам, Глеб Чужинев, Чужак. Двадцати восьми лет от роду, страдающий неизлечимой болезнью, от которой нет спасения, и жить которому осталось семнадцать дней. Или восемнадцать, а то и все девятнадцать, если он пожелает кататься по земле, воя от боли, разрывающей внутренности, пока наконец не придет сладостное забытие.

Пропустив Молинова, Глеб пристроился замыкающим. Так они и будут идти все время, именно в таком порядке. Семен дорогу знает, ну а самое опасное место сзади. Твари, если они их обнаружат, не станут устраивать засады и подкарауливать, а набросятся сразу. А обнаружат их они, вероятней всего, по следам.

Как ни хотел Глеб не оборачиваться, но все же не выдержал. Провожающих в этот ранний час было мало. Полковник Викентьев да пара случайных человек. И Марина. Девушка выглядывала из-за угла срубленного в лапу домика и в тот момент, когда Глеб взглянул на нее, помахала ему рукой. И еще она что-то прошептала. Глеб махнул ей

¹ Булл-пап (*англ.* bullpup) — схема компоновки механизмов винтовок и автоматов, при которой спусковой крючок вынесен вперед и расположен перед магазином и ударным механизмом.

ответно, тоже шепнув: «Будь счастлива, Марина. Вряд ли нам суждено увидаться снова».

Накануне, когда он с самого утра заявился к Заводчикову, его уже ждали.

— Проходи, Глеб, проходи. Викентьев меня предупредил, чтобы я тебе ни в чем не отказывал. — Почему-то Заводчиков на этот раз даже не вставил свое «в пределах разумного», хотя обычно употреблял его к месту и не к месту.

— Здравствуй, Олег Георгич, — поприветствовал его Глеб.

Он знал его неплохо, несколько раз приходилось иметь с ним дело. Мужик в общем-то нормальный, разве что излишне прижимистый. Но как иначе-то: каким должен быть человек, заведовавший всем тем, что приходилось добывать потом, а иногда и немалой кровью?

— Тут я тебе новый комок отложил, берцы, а то твои сапоги на черта похожи, провиант. Ну и еще кое-что. Ты свой дедовский автомат, смотрю, так и не сменил? Коробка, поди, еще фрезерованная?

— Он и меня переживет. — Шутка получилась не очень веселой: что сделается автомату за те неполные три недели, что ему осталось, если оружие и так уже больше полувека?

— Скажи, Георгич, шоколад у тебя есть?

— Есть и шоколад, Глеб, тебе какой именно?

— Разный, Георгич, разный, всякого понемногу. Плиток этак пятьдесят.

На румяном усатом лице Заводчикова не отразилось ничего. Им ли, пережившим то, что они пережили, удивляться чему бы то ни было?

— Это вместо кое-чего еще... шоколад, плиток пятьдесят, — на всякий случай постарался успокоить собеседника Глеб. — Даже при таком раскладе навар у тебя получится неплохой.

Заводчиков нахмурился: какой навар, когда такое творится? Не прежние времена.

— Другим людям выдашь, кто больше нуждается, ну а мне только шоколад, идет?

— Что-то не слышал я, чтобы твари шоколад любили. Куда тебе столько?

— Зато девушки его обожают, — улыбнулся Глеб.

Вчера к кофе у Марины не оказалось ничего сладкого. Тогда-то ему и пришла мысль взять у Заводчикова шоколад.

— Ты его, случайно, не Немоловой хочешь отдать?

— Ей, Георгич, ей, а что не так? В конце концов, согласишься, мое дело, чем с вас плату брать, а девушке приятно будет.

— То-то я вчера ее не узнал, когда она мимо меня пробежала, как будто и не Маринка вовсе. В первый раз улыбающейся ее увидел. — Затем, помолчав, добавил: — Глеб, а ты что, поругался с ней ночью? Утром какая-то потухшая была. А это, — указал он на шоколад, — чтобы помириться? Ты не обижай ее, девка она хорошая, характер золотой. А красавица-то какая! Тут за ней половина мужиков ухлестывает, но блюдет она себя, строгая.

— Георгич, ты чего? В сваты решил податься? Да и не обижал я ее, — ответил Чужинов, сгребая плитки со стола. — Показалось тебе, наверное.

«Точно деревня — ни от кого ничего не спрячешь», — подумал он.

— Ну-ну. А берцы ты бы все же взял. Я тебе такую пару подобрал, подошва — во. — Он поднял вверх большой палец. — Носки со вставкой, шнурки шелковые, не вру.

— Георгич, у нас с тобой одинаковый размер ноги, дарю тебе их на память. И спасибо тебе.

Когда они выходили из ворот поселения, окруженного рвом и частоколом поверх земляного вала, Глеб оглянулся снова. Викентьев уже уходил, и была видна его прямая спина. И только девушка продолжала стоять, неотрывно глядя им вслед.

«И все же не надо было отказываться, — думал Глеб, скользя сносившимися протекторами сапог по раскисшей земле. — Предлагал же мне Заводчиков берцы. С шел-

ковыми шнурками, — вспомнив, хмыкнул он. — Про шнурки, наверное, загнул. Ну а если нет, шелковый шнурок пригодился бы. Вздернуться, например. На шелковом благородно: падишахи своим визирям такие отправляли с недвусмысленным намеком удавиться».

Идущий впереди Семен сбавил шаг, и все сразу настожились. Но нет, Сёма взглянул на остальных и пошел дальше своим своеобразным скользящим шагом разведчика.

Глеб почти не оглядывался: твари не умеют подкрадываться, их шумное дыхание и топот слышны издалека, и потому времени вскинуть автомат и дернуть затвор будет у него предостаточно. Попасть в них довольно сложно, слишком они стремительны, но это уже другой разговор.

«Возможно, зря я во все это ввязался, — размышлял он, глядя на то, как Молинов едва успел поддержать поскользнувшуюся девушку. — Объяснил бы Викентьеву ситуацию и остался бы у него доживать, он бы не отказал. Да и сам Петрович ни за что бы меня не послал, дело слишком ответственное. Но только что мне там было делать? Заглядывать в грустные глаза Марины и хорохориться, мол, все мне нипочем? Прошло бы немного времени, и узнали бы все — Глебу Чужинову, неубиваемому Чужаку, почти легендарной личности, жить осталось от силы пару недель. Нет уж, лучше вот так, как сейчас, когда люди в тебя верят. А там, глядишь, случится, что и капсулы закончатся не успеют».

С утра они успели отмахать порядочное расстояние и даже перебрались через речку Выгу. Семен вывел точно в нужное место, где в зарослях тальника была спрятана «Казанка». Старенькая, еще без булей¹, в нескольких местах латанная, но вместила сразу всех шестерых и даже не грозила пойти ко дну. На правом берегу Выги наскоро перекусили, пятнадцать минут на отдых, и снова в путь.

Вечерело, пора было устраиваться на ночлег, и Глеб уже начал присматривать подходящее местечко, когда Се-

---

¹ Були — приспособления по бортам лодки для большей ее остойчивости.

мен, по-прежнему шедший впереди, внезапно махнул рукой и тут же рухнул на землю, выставив перед собой автомат. Все упали, как надо, и лишь Атас почему-то приземлился на спину, держа свой ИЖ в обнимку.

Семен нашел взглядом Глеба и, приподняв левую руку, соединил большой палец с мизинцем, провел ладонью по щеке, затем отвел ее от себя и уже следующим жестом указал направление движения.

«Шестеро мужчин, враг, двигаются на запад, вооружены», — прочел Глеб.

Рядом с Семеном пристроился Денис, разглядывая людей через оптику «Винтореза», а Чужинов все тянул. И только после полного недоумения взгляда Семена, пригибаясь, к нему приблизился.

«Может, и зря я дал согласие, — в очередной раз засомневался Глеб. — Хрена мне осталось? Лежал бы себе в тепле да слушал, как трещат в печке дрова. Или на рыбалку сходил, сколько уже об этом мечтаю. Говорят же, что время, проведенное на рыбалке, боги вычеркивают из жизни, глядишь, и действительно подольше бы протянул», — и он зло усмехнулся.

Локтем отодвинул протянутый Семеном бинокль, буркнув:

— Так вижу.

Чего тут не увидеть: дистанция метров сто пятьдесят — двести, лица еще видны, но черты уже размыты. Шестеро, идут ложбиной, все с рюкзаками.

— Бандосы, — прошептал Денис, и Глеб согласно кивнул: они самые, со стопроцентной вероятностью. — Замыкающий.

И снова Глеб кивнул — обратил внимание. Шедший в цепочке последним был вооружен винтовкой с длинным стволом.

— Что это у него, не пойму?

— Сам не признаю — раритет какой-то. Походу, даже не магазинный, но оптика нехилая. И калибр еще тот. Что будем делать, Глеб?

— Делать? Да ничего не будем, останемся на ночь здесь.

А что, место вполне подходящее: вершина невысокого холма сплошь поросла чернолесьем, и оно надежно их скроет. Подходы к холму просматриваются нормально. И сыро без меры не будет: вода стекает вниз по склону. Стоит ли искать чего-то получше, когда до темноты осталось не так много времени? Их задача — скрытно прибыть в нужное место, Викентьев это особенно подчеркнул, остальное должно им быть побоку.

— Семен, понаблюдай за ними.

Затем в сопровождении Войтова, все так же пригибаясь, вернулся к остальным.

— Ночуем здесь, — коротко объявил он.

Полина с Молиновым тут же скинули рюкзаки, и только Атас по-прежнему продолжал лежать на спине, прижимая к груди ружье и глядя в хмурое небо.

— Тут недалече к северу зимовье будет, — не меняя позы, заявил он. — Помнится мне, я в нем месяца три от ментов тихарился. Часа два ходьбы, не более, как раз до темноты успеем.

«На севере, в паре часов, говоришь? Места там действительно глухие, леса, болота», — задумался Глеб.

— И сколько с той поры прошло? От зимовья поди уже ничего и не осталось.

— Лет десять минуло. Ну да, точно десять. Меня в Раздольном взяли, вlepили пятерик. Только откинулся, все и началось, тоже пять лет. Лучше б червонец втюхали, лишь бы ничего не произошло. — И Лажев в сердцах сплюнул.

— А что раньше молчал? — Вопрос Дениса прозвучал неожиданно зло.

Атас рывком сел:

— Слышь, Дёня, сколько раз я тебе говорил — не при делах я, божусь, сам знаешь на кого. А домишко еще век простоит: нижние венцы из лиственницы положены и срубили его не на болоте. Да и найти его трудно: тропочка неприметная, а вокруг болотина.

Глеб взглянул на них обоих. Такое впечатление, что еще пара слов, и они сцепятся.

«Знал бы, точно Лажева с собой не взял, — подумал он. — Не дай боже, влипнем во что-нибудь серьезное, и

эта свара наружу вылезет в не самый подходящий момент».

— Веди, — коротко бросил он.

Два часа ходьбы — крюк небольшой, а ночевать под крышей — это не на открытом месте. Да и дождь, похоже, вскоре опять разойдется не на шутку. Не было с Викентьевым разговора, чтобы добраться как можно быстрее, он только об осторожности целых три раза повторил. Что для Петровича вообще нехарактерно.

— Ого, да тут целые хоромы! — высказал одобрение Семен, когда густой ельник расступился, под ногами перестало чавкать и впереди, между сосен, показалось зимовье.

Действительно, зимовьем строение назвать было трудно. Настоящий дом, сложенный из бревен почти в обхват толщиной. Навес перед входом, еще один у правой стены, где когда-то хранились дрова. И печная металлическая труба, явно не для буржуйки.

— Денис, Семен, проверьте. И не забудьте почистить внутри.

Даже отсюда было видно, что дверь подперта немалым камнем, но что там, внутри, не мог знать никто. Твари, они хитрые и способны на многое. Сколько раз Глебу приходилось удивляться их сообразительности, и не счесть.

Оба, и Войтов, и Поликарпов, держа оружие наготове, осторожно зашагали к дому, немного разойдясь в стороны, чтобы при нужде не помешать друг другу.

— Стоп, братва, не все так просто: прямой дорогой к дому не пройти, там топь. Хотя ты, Дёня, можешь шагать как шел, тебя не жалко. — И Атас ехидно хохотнул. — Давайте-ка я лучше первым.

И он, выставив вперед ствол своего куцега ружья, пошел куда-то в сторону.

— Денис, вернись, — окликнул Войтова Глеб, — хватит и двоих.

Он посмотрел на Полину с Молиновым. Эдуард положил руку на автомат, девушка улыбалась своим мыслям.

— Как ты? — поинтересовался он у нее. С виду-то как будто все нормально, но мало ли.

— Не волнуйтесь, Глеб, я девушка сильная, — улыбнулась в ответ Полина. — И стрелять умею. — Затем добавила: — А я о вас много слышала, представляете? И всегда хотела узнать, а это правда...

Он перебил ее:

— Позже поговорим, время еще будет.

Сейчас не до разговоров: Атас с Семеном приблизились вплотную к дому. Затем обошли его и показались с другой стороны. Было видно, как Лажев кивнул: открывай, — наведя ружье на дверь. Семен зашел сбоку, ногой катнул камень, отбрасывая его, рванул на себя дверь, тут же отскочив. Тишина. Вот они оба скрылись в доме. Несколько томительных мгновений, и из дверного проема показался Атас и махнул рукой: давайте к нам. После отошел в сторону, пропуская Семена. Тот, держа в руке радиоприемник, о чем-то спросил напарника, получил ответ, выраженный в виде взмаха руки, указывающей направление.

Туда Поликарпов и зашвырнул транзистор, далеко закинул, от души.

— Пойдемте. — И Глеб первым зашагал в сторону дома.

Глава 2 ДЕНЬ ВТОРОЙ

— Атас, а что это у тебя погоняло такое стремное? — лениво поинтересовался Денис Войтов. — Поди за твою шугливость? Кайся, пацаны твою натуру сразу просекли.

В печке весело трещали дрова, в доме было тепло, даже жарко, а на улице шел сильный дождь. Кирилл Лажев насупленно взглянул на него из-под кустистых бровей:

— Нормальная у меня бурка¹ была, стоящая, и сам я почти в авторитете считался. А это... Твари тогда стайей из оврага вынырнули и к нам. Ну я и заорал: «Атас!» С тех пор

---

¹ Б у р к а — кличка, прозвище, погоняло (*арго*).

и прилепилось. Только не в тему базар ты развел, Дёня. Спи, пока возможность есть. Сколько раз можно повторять — не при делах.

— Может, и про то поклеп, как ты старушку в Мотыгино с топором грабить приходил? Тоже мне, Раскольников.

— Да не хотел я ее грабить, и даже пугать не хотел. Что пьяный был вдрабадан, это точно. Ну а участковый всю эту бодягу так развел, что загремел Кирия на третью ходку.

Денис уже открыл рот сказать непременно что-то язвительное, когда в дом вошел Глеб. Он взглянул на насупленного Лажева, затем повернулся к Войтову:

— Денис, больше повторять не буду. Прибудем на место, хоть на ножах выходите. Ясно?

Тот кивнул.

— А я бы вышел, гаденыш, — зло прошептал Лажев. — Расписал бы, как Рублев Богородицу.

— Глеб, долго мы здесь пробудем?

— Завтра с утра дальше отправимся, Полина, к утру должно распогодиться. Отдыхай, сил набирайся, дорога будет трудной.

— Да я и так уже на полжизни вперед выпалась.

«Все мы выпались, — подумал Глеб. — Бывает же так: с одной стороны, такая погода нам в радость должна быть. Твари свой нюх потеряли. Ну а с другой... Болота вспухли, скользко, сыро, подумаешь — и вздрогнешь. По лесу пойдём — еще ничего. Но дальше поля начнутся, и пусть на них пять лет уже ничего не сеют, но дорога предстоит еще та».

Дом, довольно просторный, не был разделен перегородками. Печь, двухъярусные нары, числом четыре, посередине стол, умывальник в углу, и все.

Когда-то, скрываясь, Лажев оборудовал чердак таким образом, чтобы с него можно было отстреливаться на все стороны, вырезав несколько бойниц, ловко замаскированных в крытой рубероидом кровле. Заодно сделал и люк в потолке.

— Живым бы я ментам ни за что не дался, — делился он. — Или последний патрон себе, или в трясины прыгнул бы, куда Семен транзистор выбросил. — Затем, помолчав,

добавил: — Кто же мог знать, что все мои войны детскими шуточками сейчас покажутся?

Дом, поставленный на островке посреди Тимошкинских болот, когда-то прикрывал лес. Затем болото раздалось вширь, деревья сгнили на корню, и теперь избу можно было разглядеть издалека. Но как временное убежище лучше и желать не следовало, тем более в такую сырую погоду. Люди большими отрядами сейчас не шастают. Ну а твари... Не такие уж они и неуязвимые, как поначалу о них думали. Правда, сам Чужинов после первой же встречи с ними только усмехался, когда слышал рассказы об их неуязвимости. С той поры он уже и со счета сбился.

— Глеб, а ты служил?

Тот кивнул: служил. Но не дослужил. Думал вообще всю свою жизнь с армией связать, не задалось.

— Я так и поняла: Викентьев о тебе очень уважительно отзывался.

«Еще бы ему не отозваться: сутки его на себе по зеленке пер. К тому же автомат тогда еще капитана Викентьева и свой ПКМ¹. Думал, сдохну, настолько тяжело было».

Глеб уселся за стол и налил в алюминиевую кружку остывшего чая.

Полина заняла дальние от входа нары, оттуда ее голос и раздавался. Вернее, сам Глеб, осмотрев помещение, именно на них девушке и показал. Последнее место, куда твари, если им суждено в дом ворваться, доберутся. Да и люк на чердак рядом, на всякий случай открытый, хоть и сквозит. Скучно девочке, выпалась, теперь разговорами себя развлекает. Наверстывает все то время, что молчать приходилось, для женщины это трудно.

— А потом что делал? Учился?

Глеб кивнул снова: учился. Но не доучился.

— А уже затем?

Уже затем все и началось, когда для всех сразу жизнь прахом пошла.

— А правду говорят, что у тварей кровь ядовитая? Что

---

¹ ПКМ — пулемет Калашникова модернизированный.

если она внутрь человека попадет, то он непременно умрет?

— То, что ядовитая, правда. Насчет остального — как повезет.

Ему не повезло. Умрет он ровно через шестнадцать дней, когда закончатся капсулы. Или чуть позже. Как там красноармеец Сухов говорил: лучше помучиться, чтобы жизнь хорошенько запомнить? И Чужинов невесело усмехнулся.

— Глеб, мне рассказывали, что ты их очень много убил.

— Много, Полина, много. У Семена с Денисом их тоже немало на счету. Так что не волнуйся, все будет хорошо.

Первую убитую тварь Глеб Чужинов помнил так, как будто произошло все только вчера. Он гостил у Егорыча — егеря Федора Егоровича Филатова. Вырвался с работы посреди лета, несмотря ни на что, на две недели, так по рыбалке соскучился. Вероятно, именно это Глеба и спасло, ведь находишься он в то время в городе... Хотя самому Филатову не помогло.

Филатов Федор Егорович жил при охотничьей усадьбе постоянно, лишь изредка, раз-другой в месяц, навещаясь к семье. Он даже хозяйство здесь держал: козу, с десяток кур да кудлатого пса Мирона, такого же старого, как и он сам. Усадьба пустовала, это ближе к осени народу здесь прибывало — не протолкнись, все-таки элитные охотничьи уголья.

В тот день у Егорыча серьезно прихватило спину непонятно с чего: и жара стояла, и ничего тяжелого он не поднимал. Дед передвигался, согнувшись пополам, изредка виновато поглядывая на Глеба. Сам же и пригласил, обещая пару клевых мест показать, — и на тебе, такая незадача. Чтобы не маяться от безделья, Глеб решил помочь егерю по хозяйству.

Лужок выглядел небольшим, с виду на пару часов работы. Но косарь из Глеба был еще тот, и потому в первый день управиться ему не удалось. На другой с утра все и случилось. Мышцы от бесконечного махания косой накануне болели, и тут не помогли даже регулярные занятия в

тренажерном зале. Глеб уже проклял, что взялся за это дело, пожалев, что не вызвался рубить дрова. Там и навыков нужно меньше, да и такое нехитрое занятие развивает удар.

Когда от дома, в котором Егорыч проживал и который называл флигелем, раздался яростный лай Мирона, внезапно перешедший в визг, Глеб обернулся и обомлел. Остолбенеешь тут, когда на тебя несется существо размером с громадного пса, которое к тому же выглядит так, что самые жуткие создания из фильмов-ужасов по сравнению с ним покажутся милыми домашними зверушками. Существо, а тогда он еще не знал, что это и есть первая встреченная им тварь, передвигалось неуклюжими скачками, забрасывая задние конечности далеко в сторону. Разинутая пасть на огромной голове, полная пены гнойного цвета, хриплое дыхание, несуразное, до невозможности уродливое тело. Своими размерами поражали зубы: каждый был величиной с палец. Чего уж там: Глеб окаменел. Но всего лишь на миг. Благо рефлексy не подвели: когда существо растянулось в прыжке, явно намереваясь вцепиться ему в горло, руки сработали сами собой. И длинное, на совесть правленное Егорычем лезвие косы впилося ему в загривок. Тварь, несмотря на почти наполовину перерубленную шею, все еще дергалась и затихла только после того, как Глеб несколько раз подряд с размаху вонзил в нее лезвие, напоследок надавив на косовище сверху ногой, наваливаясь всем весом и даже подпрыгивая.

Рассматривать чудовище было некогда — во флигеле, где Егорыч готовил обед, явно что-то происходило, и Глеб метнулся туда, на ходу прихватив стоявшие у задней стенки сарая вилы.

— Дед! — заорал он во все горло, отлично понимая, что лучше бы подкрасться тайком, не привлекая внимания.

Филатов не был ему родным дедом, вообще не приходился родственником. Познакомились они случайно, в райцентре: Глеб помог ему погрузить коробки в машину. Тогда он еще удивился, что у просто одетого, невзрачного на вид старика такая крутая машина — «Тойота-Тундра» модельного ряда этого года. За разговором выяснилось,

что машину Егорычу дал один из горе-охотничков — «чего там не уметь — наливай да пей». Тот уже неделю так и охотился, изредка наведываясь на стрельбище, чтобы пострелять из новехонького «меркеля», после чего, довольный, возвращался к заставленному бутылками столу. Охоту Глеб любил, правда, больше теоретически — особой возможности поохотиться не было, а вот за разговором о рыбалке они и сошлись. В итоге Егорыч пригласил Чужинова в гости, подробно объяснив ему дорогу, и это была уже вторая его поездка в усадьбу.

Первое, что увидел Глеб, забежав за дом, был Мирон, выглядевший так, будто его пропустили через мясорубку. Из открытых дверей флигеля доносилось урчание и громкое чавканье. Чужинова едва не вывернуло, когда он обнаружил на полу в луже крови полуобглоданного Егорыча, а рядом с ним давящуюся от жадности тварь. Вилы на удивление легко вошли в нее раз, другой, третий... пятый... десятый. Наконец, Глеб застыл, до боли сжимая черенок вил и шумно дыша. Стояла тишина, и лишь из старенького ВЭФа, работающего от батареек (генератор, когда не было клиентов, Филатов заводил только на пару часов по вечерам), доносилось шипение. Тогда значения этому он не придал никакого: ну мало ли, возможно, волна сбилась, когда тут такое!..

«Как же так? Что это? Что вообще происходит?» — Глеб все не мог прийти в себя.

Наконец он решительно подошел к узкому и высокому металлическому шкафу, в котором дед держал то оружие, что принадлежало лично ему. В нем хранилось четыре ствола: курковый одноствольный ИЖ шестнадцатого калибра, по нынешним временам хлам, к тому же изношенный; карабин СКС с не самой ерундовой оптикой и девятимиллиметровый «Медведь», еще первого выпуска. Можно сказать, редкость: их даже двух сотен штук не произвели. Егорыч не очень его жаловал.

— Сто метров для него предел, — морщился он.

И наконец, его любовь и гордость — вертикалка SIG Sauer двенадцатого калибра.

— Смотри, Глебка, какая вещь! — Глаза деда блестели

восторгом. — Старше меня, ружью уже за восемьдесят, и ни разу осечки не было! Ни у бати моего, ни у меня.

Отец Филатова привез ружье из поверженной Германии, едва ли не единственный трофей. Самому ему, правда, долго пользоваться им не пришлось, он умер от ран вскоре после войны.

— В стволах копоти не остается, и не смотри, что такое древнее: из него и пироксилиновым порохом стрелять можно. Крупновская сталь! — тыкал Егорыч пальцем в казенную часть, где действительно стояло клеймо. — И меня еще переживет.

«Точно пережило», — подумал Глеб, беря в руки ружье и стараясь не смотреть на то, что осталось от прежнего его хозяина.

Не факт, что этих отродий больше нет или они не встретятся по дороге в город. А туда необходимо попасть — все-таки человек убит. Да и других предупредить об опасности... Быстро забив патронташ патронами с картечью, он накинул его на шею и вышел во двор, плотно притворив за собой дверь.

Несомненно, Глебу было бы лучше захватить с собой СКС. Но владение нарезным оружием без лицензии влечет за собой уголовную ответственность, в отличие от административной за гладкоствол. Конечно, если не сделать из гладкоствольного ружья обрез. Так гласит закон. Но откуда ему было знать, что отныне в мире будет действовать один лишь только закон — закон силы? И потому в своем выборе он не колебался.

Пройдет совсем немного времени, и ему придется укоротить эту красоту ржавой пилой по металлу. Обрез верно прослужит ему полтора года. Нет, Глеб не пользовался им постоянно, но душу грело, что в самом крайнем случае у него есть два выстрела, которые будут со стопроцентной гарантией.

Затем пришлось с обрезом расстаться. Расстаться по-глупому, ибо употребил он его как засов. Другого выхода не было, и такой нехитрый шаг спас не только его самого, но и еще трех человек, предоставив те несколько кратких, но таких драгоценных мгновений, что иногда

бывают ценою в длинную жизнь. Впрочем, все это было потом, а пока он, держа ружье наготове, пошел под навес, где стоял филатовский «Днепр», старенький, но работающий как часы. До шоссе тридцать километров по лесной дороге — час езды, затем еще два по асфальту, и он будет на месте, в районном центре Ильино.

Глеб завел мотоцикл, сунул ружье в коляску так, чтобы при необходимости можно было быстро его извлечь. Прикрывать не стал — лишние мгновения. Уселся и уже отжал сцепление, когда вдруг слез с мотоцикла, взял в руки оружие, чтобы снова вернуться в дом. Нет, ему не пришла мысль, что он бросает живого Егорыча — после такого выжить невозможно.

Войдя, он приблизился к непонятному существу и от души ударил его ногой, держа ружье наготове. Вдруг оно еще живо и придет в себя, чтобы объявиться там, где его не ждут. Но нет, с тварью было кончено. И тогда Глеб внимательно рассмотрел монстра.

— Господи, вот же урод! — не выдержав, прошептал он, вздрогнув от отвращения.

Пятнистая кожа, от коричневого до желтовато-зеленого цвета, вся покрытая бородавками, гнойниковыми наростами, с редкими пучками волос. На коже было полно растяжек, некоторые из них лопнули, обнажив мясо... Создавалось впечатление, будто кожа не успевала расти вслед за телом. Глеб смотрел и все не мог понять, на что именно походил хищник. А в том, что это именно хищник, он не сомневался. Причем кровожадный и совсем не боящийся людей. Наоборот, покончив с псом, оба этих существа набросились на деда, предпочтя собачьей человеческую плоть. И хорошо, что было их всего две особи, иначе и сам он лежал бы уже где-нибудь неподалеку. Вернее, то, что от него к тому времени осталось бы. Но почему они разделились? Почему одна из тварей бросила жрать Егорыча и кинулась к нему? Лужок находится от дома довольно далеко, метрах в ста. Тварь привлекли звуки косы? Что-то еще?

Ровно тархтел движок мотоцикла, и Чужинов выжимал из него все, что он мог дать.

Глеб давно уже ехал по шоссе с мелькающими пятнами свежих заплаток на асфальте. Райцентр должен был показаться с минуты на минуту. Странное дело: за все время пути его никто не обогнал, ни единой машины не попалось навстречу. Пусть и субботний вечер, когда движение не слишком оживленное, к тому же и дорога всего лишь районного значения — не федеральная трасса, и все же в чем причина? Когда наконец Ильино — небольшой городишко с неполными тридцатью тысячами жителей — показалось после поворота дороги, он затормозил так резко, что «Днепр» едва не завалился набок.

С пригорка, на котором остановился Глеб, хорошо просматривался пост ДПС у моста при въезде в городок. И пробка в десятка полтора машин, среди которых выделялась лежащая на боку огромная фура. Но дело было не в пробке: все увиденное никак не походило на обычный затор. И самое главное: сколько он ни всматривался, не увидел ни одного человека. Ни возле опасно накренившегося пазика, у которого вместо стекол зияли темные провалы, ни около других машин. Их вообще не было, людей.

Сам городок, вытянувшийся вдоль противоположного крутого берега Ильинки, просматривался плохо, только несколько столбов дыма поднимались почти вертикально вверх — безветрие. Такой дым бывает от недавно зародившегося пожара, что тоже наводило на мысли. Где рев силен пожарных машин? Он должен доноситься и сюда.

Глеб свернул на обочину, переехав кювет, загнал мотоцикл в кустарник. Подхватив ружье, устремился к вершине ближнего холма, откуда получится увидеть значительно больше. Он понимал: что-то не так. Единственное, что приходило ему в голову, — это как-то связано с тварями, убившими Егорыча и его собаку.

Почти плоская вершина холма заросла вековыми соснами, но видно с нее действительно было далеко. «Жаль, не догадался захватить с собой бинокль Егорыча или хотя бы что-то из оптики», — подумал Чужинев, когда за спиной раздался ровный мужской голос:

— Положи руки на затылок и медленно повернись ко мне.

«Этого еще не хватало. — Глеб едва не плюнул от злости. И как тут не разозлиться, когда застали врасплох. — Теряю навыки, теряю».

Человек, которого он увидел, выглядел лет на пятьдесят; он вполне бы сошел за грибника, ему только лукошка не хватало, если бы не пистолет в правой руке. Что особенно не понравилось Глебу — держал он его вполне профессионально, прижав локоть к боку. Поначалу Чужинов принял ствол за ПМ¹, но, взглянув пристальнее, признал в нем вальтер ПП². Только калибр показался ему совсем уж несерьезно мелким.

— Ты чего, отец? Ты, главное, не нервничай, я мирный, — сказал он, протягивая обе ладони вперед, одновременно как бы невзначай делая шаг в сторону, где совсем рядом находилась сосна. Еще шаг, и она его прикроет, а там только и останется, что сорвать ружье с плеча.

Незнакомец улыбнулся:

— Ты вот что, сынок новоявленный, сними-ка ружье и приставь его к дереву, а сам отойди от него, да подальше.

Глеб, мгновение поразмыслив — мужик как будто бы вменяемый, непонятно только, чего это он так его встретил, — выполнил все указания.

— Так-то оно лучше будет. — «Грибник» сунул пистолет за пазуху. Затем на его лице промелькнуло что-то вроде легкого смущения. — Ты уж извини, что я так, не за себя, за внука беспокоюсь. Егор! — позвал он.

Из-за двух сросшихся сосен показался мальчишка лет десяти — двенадцати.

Глеб уже было открыл рот, чтобы спросить, знают ли они, что вообще происходит, но его опередили:

— Телефон есть?

Глеб кивнул, доставая из заднего кармана джинсов наладонник.

— Только связи нет, — сказал он, бегло взглянув на экран.

---

¹ ПМ — пистолет Макарова.

² В а л ь т е р П П — немецкий самозарядный пистолет, разработанный фирмой «Вальтер».

Незнакомец взял телефон и, размахнувшись, изо всех сил зашвырнул его далеко в сторону. Глеб даже охнуть не успел.

И снова мужик его опередил:

— Судя по всему, тебе уже «посчастливилось» встретиться с этими... — Тут он неопределенно пошевелил пальцами, будто подбирая наиболее подходящее слово.

Глеб кивнул: понятно, о ком идет речь.

— Так вот, не знаю как, но они чувствуют электричество, даже такое слабое, как в телефоне. Так что не жалея, вполне возможно, я тебе жизнь спас.

Глава 3 МАКЕЕВКА

— Электричество чувствуют? — Глеб не удивился.

В мире полно животных, которые даже могут его генерировать. Электрические скаты, например, бьющие таким разрядом, что человеку мало не покажется. Или глубоководные рыбы-удильщики, в вечной темноте примагнивающие свои жертвы на свет, исходящий с небольшого отростка на голове. Хотя нет, у них что-то там с химией связано. Но в Африке водится электрический сом, это уж точно. К тому же ученые утверждают, что некоторые животные распознают магнитные поля Земли, по которым и ориентируются. Так почему же тварям не чувствовать электричество, как тем же акулам?

Чудовища, сожравшие Егорыча и едва не его самого, явно не из реликтовых хищников, объявившихся вдруг в средней полосе. Не было в истории Земли ничего подобного. Уж это Глеб знал. Они вообще ни на что не похожи, больше всего напоминая результат генетических экспериментов безумных ученых. Но такое бывает только в фантастических фильмах. И никакими грибочками покойный Филатов ни сегодня с утра, ни накануне его не потчевал.

Глеб сделал шаг к дереву, взял ружье и повесил его на правое плечо стволом вниз. Тяжесть оружия подействова-

ла успокаивающе, хотя, конечно, он предпочел бы что-нибудь посущественней.

— Электричество, — подтвердил незнакомец. — Хотя, возможно, я заблуждаюсь. Кстати, какие у вас часы?

— Часы не отдам, — попытался пошутить Глеб. И на всякий случай добавил: — Они механические.

Выезжая из усадьбы, он накинул на себя куртку, во внутреннем кармане которой лежали документы. Останови его с оружием, к тому же чужим, кстати заряженным, да еще и без документов, долго объяснять пришлось бы, что во всем виноваты какие-то монстры, которых, вполне возможно, никто, кроме него, и не видел. Глеб сдвинул пальцем рукав куртки, взглянул на циферблат: «Ого! Время-то уже под вечер». На циферблате был изображен двуглавый орел с зажатым в правой лапе мечом. Далеко не самые дешевые часы — подарок его командира, Кирилла Петровича Викентьева. Не плата за спасенную жизнь, нет. Вообще-то, Чужинову светил орден. Но кто мог знать, что все так обернется и вместо ордена ему замаячит срок. Викентьев помог, правда, остался Глеб и без ордена, и без надежд на то, чтобы связать свою дальнейшую жизнь с армией. При расставании Викентьев и вручил ему часы. И еще добавил:

— Извини, Чужинов, я сделал все, что мог.

— Я сам во всем виноват, товарищ майор, — ответил ему Глеб, подумав: «Но вернись все назад, ничего бы менять не стал»...

Глеб заметил любопытный взгляд, брошенный незнакомцем на его часы, но его больше интересовало другое:

— Почему вы решили, что именно на электричество? Кстати, меня зовут Глеб Чужинов.

— Андрей Владимирович Кошелев, — ответно представился тот. — И не так давно я имел самое непосредственное отношение... — Кошелев замолк и указал подбородком на левую руку Глеба, где на запястье под тканью одежды прятались часы.

Глеб кивнул: мол, понимаю, о чем речь.

— Что же касается этих существ, вынырнувших словно из ада, взгляните на ваш мотоцикл.

Чужинов посмотрел в ту сторону, где оставил «Днепр», и тут же рванул ружье с плеча: около мотоцикла сидела парочка. След, они могли учуять его след, который и приведет их на вершину холма.

— Не беспокойтесь, Глеб, судя по всему, их заинтересовала не машина и не ее водитель, а аккумулятор. Не находите?

И верно, застыв как изваяния, твари едва носом в него не воткнулись.

— Мы находимся здесь уже довольно давно, и все, что произошло там, — на этот раз Кошелев указал на «пробку» у поста ДПС, — случилось практически на наших глазах.

— А что именно случилось? — Глеб продолжал держать ружье наготове: заверения заверениями, но ошибаться могут все. Да и сам Кошелев придерживал левой рукой полу ветровки. И пистолет спрятал именно в левый внутренний карман. Причем грамотно: стволом вверх, а не как-нибудь иначе.

— Мы с Егором на противоположной стороне холма находились, когда у поста ДПС началась стрельба.

— Стрельба?

— Да. Из ПМ и АКСУ¹. Из пистолета успели выстрелить всего три раза, а очередь из автомата была на весь магазин. Патрульная машина, она и сейчас возле поста стоит. Ну а дальше началось. Крики, женский визг, мелькание этих отродий, их десятка два было, не меньше. После все закончилось. За сорок семь минут до того, как здесь появился ты.

— И что мы теперь будем делать, Андрей Владимирович? Ждать, пока сюда придут спасатели? — Хорошо, когда есть кто-то более опытный, кто может принять за тебя решение, каким бы оно ни было.

— А ты уверен, что они придут? — неожиданно зло спросил Кошелев.

— Не из Ильина, из области. — Явно в городке проис-

---

¹ АКСУ (АКС74У) — автомат Калашникова складной укороченный.

ходит что-то не то. И дыма все больше, скоро весь город затянет.

— Глеб, тебя ведь учили, что все всегда происходит по самому плохому сценарию.

Чужинов кивнул: да, именно так.

— Тогда почему ты уверен, что в областном центре все по-другому? Что там нет этих чудовищ? Что там их не в разы больше?

Теперь Чужинов покрутил головой отрицательно: такой уверенности у него нет. Но ведь в таком случае получается... Как не хочется в это верить.

— Но в одном ты прав: подождать стоит. Я очень хочу, чтобы все было иначе, я мечтаю об этом, молю всей душой. У тебя, кстати, в Ильине кто?

— Несколько знакомых. — Глебу показалось, что Кошелев вздохнул с облегчением.

«Чего это он? — подумал Чужинов. — Беспокоится, что я брошусь в город кого-то спасать и оставлю их? Но он не выглядит человеком, всю жизнь просидевшим в конторе, перекладывая бумаги из стопки в стопку. Да и не стар еще: лет пятьдесят — пятьдесят пять. И при оружии».

Кошелев полез рукой под ветровку, туда, где был пистолет. Глеб на всякий случай оглянулся по сторонам: может, он чего-то не видит.

«Сердце», — сообразил Чужинов, наблюдая за тем, как мужчина массирует грудь с левой стороны.

— Дед, ты бы таблетку выпил, — встревожился вдруг Егор, до этого выглядевший на удивление спокойным.

Кошелев послушно достал пузырек с таблетками и положил одну под язык.

— Сердце, — слабо улыбнувшись, подтвердил он. — Из-за него и комиссовали. Все к черту полетело.

Внук под руку подвел Андрея Владимировича к поваленному дереву и усадил на него. Глеб остался стоять на месте: отсюда хорошо просматривались подходы со стороны дороги и «пробка» у моста через реку.

«Отродья», как назвал их Кошелев, оставались у мотоцикла. Успокаивало то, что они не кружили вокруг, пыта-

ясь взять след. Еще несколько были у моста. Ну хоть не два десятка, как рассказывал его новый знакомый.

К Глебу подошел мальчишка и потянул за рукав:

— Вас дед зовет.

«Судя по тому, что Егор остался, Кошелев хочет сообщить мне что-то наедине», — подумал Чужинов.

— Участвовали?

Глеб кивнул:

— Приходилось.

— Я так сразу и понял. Мы одной структуре принадлежали, но разговор не об этом.

Кошелев выглядел неважно: синеватые губы, прерывистое дыхание. И еще взгляд. Взгляд человека, который считает себя неполноценным. Когда-то Чужинову приходилось видеть такой у сослуживца, оставшегося без ноги выше колена. Отличный рукопашник, с легкостью сдававший все нормативы, и вдруг — инвалид.

— Глеб, я хочу попросить вас об одной услуге, — продолжил Кошелев.

Чужинов с готовностью кивнул: речь явно не пойдет о том, чтобы сбегать за пивом.

— Если со мной что-нибудь случится, обещайте, что присмотрите за Егором. Обещаете? — Кошелев даже за руку его схватил.

— Обещаю, Андрей Владимирович, — твердо ответил Глеб, глядя ему прямо в глаза.

Кошелев поморщился, снова потер грудь:

— Теперь относительно электричества. Выслушайте и судите сами...

— ...Когда-то у меня в Макеевке кореш жил, во-он в том доме, что на отшибе стоит. Крыша у него еще синяя. — Агас указал ружьем, держа его за рукоять на вытянутой руке.

— Ты, боевик, поменьше стволом размахивай, еще пальнешь в кого-нибудь ненароком, — не удержался, чтобы не съязвить, Денис Войтов.

Они стояли на опушке березовой рощи. Макеевка выглядела заброшенной. На самом деле так оно и было: жи-

тели давным-давно отсюда ушли. Те, кто невероятным образом умудрился остаться живым.

«Господи, сколько бы людей смогли спастись и здесь, и во всем остальном мире, если бы им вовремя дали знать, что опасность заключается именно в электричестве. И как повезло мне самому», — подумал Глеб, рассматривая дальний край селения, где мелькнули силуэты тварей. Чужинов всегда поражался тому, что издалека они выглядят почти черными, а вот вблизи кажутся значительно светлее.

— Денис?

Войтов смотрел туда же через оптику «Винтореза».

— По ходу разведчики, Глеб.

Чужинов кивнул: сам такого же мнения. Эти, худые и прогонистые, точно разведчики: так их называют в отличие от других. Именно с ними Глебу и довелось впервые столкнуться на заимке у егеря Филатова. Будь они воинами, а те значительно крупнее, вряд ли бы ему тогда удалось с ними совладать. Разведчики (или, как называл их Атас, «шныри») рыскают везде, выискивая оставшихся в живых людей, именно по этой причине их так и прозвали. Ну а если разыщут и не могут справиться сами, то уходят, чтобы вернуться уже с воинами.

Существовал негласный закон — разведчиков обязательно уничтожать. Будь они в другой ситуации, Глеб нашел бы способ подманить этих тварей и расстрелять.

Зрение, слух и обоняние у них ничуть не лучше, чем у человека. Но у тварей есть и кое-что еще: то, что Глеб когда-то принял за набухшие гнойники на мордах, не что иное, как рецепторы, синапсы, улавливающие электричество. Вернее, не сами нарывы, а вылезавшие из них белые жгутики, похожие на червей, которые к тому же еще и шевелятся. С их помощью твари электричество и улавливают. Причем так тонко, что даже небольшая движущаяся группа людей, облаченная в ткань, в составе которой преобладает синтетика, обнаруживается ими издалека. Что же тогда говорить об электрических приборах?

«Но на этот раз мы их трогать не будем».

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1. День первый.</i>	12
<i>Глава 2. День второй</i>	21
<i>Глава 3. Макеевка</i>	31
<i>Глава 4. Часы на память</i>	39
<i>Глава 5. Приманка для тварей.</i>	47
<i>Глава 6. На теплоходе музыка играет...</i>	57
<i>Глава 7. Пистолет смешного калибра</i>	69
<i>Глава 8. Законы социопсихологии</i>	79
<i>Глава 9. Приказ министра обороны</i>	91
<i>Глава 10. Одноглазые пираты</i>	99
<i>Глава 11. Тупая ученица</i>	109
<i>Глава 12. Дедовский метод</i>	118
<i>Глава 13. Поздняково</i>	125
<i>Глава 14. Супчик с вермишелью</i>	138
<i>Глава 15. Бег с барьерами</i>	150
<i>Глава 16. Никотиновый голод.</i>	161
<i>Глава 17. Дельные мысли</i>	177
<i>Глава 18. Ген SCN9A</i>	194
<i>Глава 19. Полевой стан</i>	211
<i>Глава 20. Польшину</i>	223
<i>Глава 21. Особенности предохранителя автомата Калашникова</i>	233
<i>Глава 22. Курс валюты Зимбабве</i>	246
<i>Глава 23. Спасатели не плачут</i>	261
<i>Глава 24. Гордость отечественного оружия</i>	276
<i>Глава 25. День восьмой</i>	294
<i>Глава 26. В сундуке — заяц, в зайце — утка...</i>	310
<i>Глава 27. День девятый</i>	325
<i>Эпилог</i>	334